

УДК 94(470) «1917/1921»

В.А. Логачев

**«...В ХЛЕБНОМ РАЙОНЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ»: ОТ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
К КРЕСТЬЯНСКОМУ МЯТЕЖУ**

Исследуются причины восстания крестьян Западной Сибири в 1921 г. Раскрыты его экономические предпосылки на материале петропавловского Приишимья, условия и ход хлебных заготовок в 1917–1920 гг. Показаны эволюция позиции сибирского крестьянства от поддержки пролетарской власти к антагонизму с ней, перерастание Гражданской войны в борьбу между городским и сельским трудовыми классами. Аргументируется утверждение об особой роли Западно-Сибирского крестьянского восстания в принятии большевиками решения о переходе к новой экономической политике.

Ключевые слова: продовольственная политика большевиков, крестьянские восстания, экономическая история Сибири.

На рубеже 1910–1920-х гг. в России главным ресурсом выживания населения и государственной власти был хлеб. Задача заключалась в том, как его взять у производителей. Рыночный механизм изъятия хлеба по свободным ценам умер еще до 1917 г. Деньги обесценились. Царское правительство приняло решение о создании механизма продовольственной разверстки. Хлеб должен был изыматься по твердым ценам. Возник разрыв между ценами на продовольствие и промышленные товары. Производители продовольствия встали в оппозицию к правительству. Крестьяне Томской губернии заявляли, что они не будут давать хлеб городам, «пусть сами себе достают», хлеб дадут только для армии [1. С. 130]. Пришедшее на смену царскому Временное правительство тоже было вынуждено признать нерыночный механизм снабжения города продовольствием: 25 марта 1917 г. был принят закон о государственной хлебной монополии. Но применить на практике власть его не решалась, потому что это требовало силовых мероприятий, ущемления интересов крупных собственников. Стабильное снабжение города хлебом так и не наладили, городской пролетариат продолжал искать власть, которая обеспечит его материальные интересы. Крестьяне держали нейтралитет, пустые деньги им были не нужны ни от какой власти. И это правительство тоже прекратило существование.

Новая власть бесплатно дала крестьянам землю и рассчитывала на возмездное снабжение города и армии хлебом, промышленности – сырьем. Первое время, пока в стране были остатки товарных запасов, крестьяне были согласны, хотя обмен был явно неэквивалентным. Но когда промтоварные запасы закончились, встала дилемма – массовый голод или принудительное изъятие хлеба у производителей. Урок двух предыдущих правительств придал большевикам уверенности в своей правоте, и началась кампания массового бесплат-

ного изъятия хлеба по механизму продовольственной разверстки. Идея такого механизма сформировалась у А.Г. Шлихтера во время Омской экспедиции за хлебом в начале 1918 г.: «Ленин, узнав о методе заготовок, примененном мною в Сибири, высказал мысль, что надо организовать показательную заготовку хотя бы в одном каком-либо уезде» [2. С. 102]. Шлихтера отправили проверить метод в хлебную экспедицию в Вятскую губернию. После этого распространили омский опыт на всю Советскую республику, введя продовольственную разверстку декретом СНК от 11 января 1919 г.

В условиях военных действий на Украине и Северном Кавказе главным стабильным поставщиком хлеба в Центр становилась Западная Сибирь: Алтай, степная полоса Енисейского края, Прииртышье, Акмолинская губерния и ряд уездов Тобольской губернии, в особенности Ишимский. Тогда Прииртышье (Семипалатинск, Усть-Каменогорск, Павлодар) и Акмолинская губерния (с центром в Омске, с 1920 г. в Петропавловске) были частью Сибири. Центральные власти, моля и требуя сибирского хлеба, подразумевали в первую очередь именно эти районы (позднее отошедшие к Казахстану и поэтому выпавшие из ведения историков Сибири). А. Г. Шлихтер, первый нарком земледелия, бывший некоторое время и наркомом продовольствия, вспоминал: в начале января 1918 г. «я вел переговоры главным образом с Сибирью, с Омским областным Советом. Было известно, что в Сибири имелись еще огромные запасы не тронутого, даже необмолоченного хлеба. Все взоры Петрограда были обращены на Сибирь, которая могла прокормить всю Россию» [2. С. 99].

Лидеры большевиков признавали, что сибирский хлеб спас революцию, то есть власть пролетарской диктатуры. В декабре 1917 г. нарком по военным и морским делам Н. И. Подвойский в беседе с председателем краевого продовольственного Совета П.И. Воеводиным говорил: «Только Си-

бирь может спасти страну и армию от наступающего голода» [3. С. 62]. В декабре же председатель ВЦИК Я. М. Свердлов телеграфировал Исполкому Советов Сибири (Центросибирь): «Сибирские товарищи должны знать, что нам нужен хлеб. Лучше всего его можно достать в Сибири. Для этого... поставьте задачу – подбросить угля недостающим районам степной полосы, особенно на участке Омск–Тюмень, Омск–Петропавловск. Задача это боевая. Питерские рабочие готовы снять последнюю рубаху, чтобы обменять ее на хлеб. Надо подготовиться, чтобы начать организованную переброску сибирского хлеба. Для этого будет срочно брошен товарный эквивалент... Главная продовольственная работа должна быть сосредоточена в Западной Сибири, с базой в Омске... Томск должен помогать ей усиленной переброской своего угля. Исполнение не затягивайте. Петроград, Москва, промышленные районы и фронт вступили в полосу голода» [4. С. 27–28].

В конце января в Сибирь отправляют А.Г. Шлихтера, перед отъездом с ним беседует В.И. Ленин и вручает мандат на принятие экстренных мер по вывозу хлеба из Сибири в Петроград и другие промышленные районы. 19 марта 1918 г. Совнарком РСФСР назначает Шлихтера чрезвычайным комиссаром по продовольствию в Сибири [5. С. 4]. Обо всех действиях Шлихтер отчитывался перед Лениным, слал телеграммы ему в Совнарком: «Узнав сейчас об опасности, угрожающей Петрограду, бегу приказать немедленно отправить из Петропавловска 300 вагонов овса в Петроград и Москву уже готовых. Имеются еще запасы в Омске пшеницы – тоже немедленно погружу» [6. С. 72]. В апреле 1918 г. Шлихтер заявил на продовольственном съезде Западной Сибири: «Итоги четырехмесячной работы налицо. Нам удалось спасти от голода революционные центры». За первый квартал 1918 г. из Омской области, включая Петропавловский уезд, было отправлено свыше 4 млн пудов хлеба [7. С. 73]. Всего же из Сибири за первое полугодие 1918 г. вывезено по линии Наркомпрода около 12 млн пудов хлеба [6. С. 82].

Под руководством Шлихтера из грузовых автомашин, собранных в городах Западной Сибири и Урала, был создан автомобильный отряд, который вывозил хлеб к железнодорожной станции Петропавловск. На перевозку хлеба было мобилизовано местное население с гужевым транспортом. Конечно, под это дело власти выписывали товарный эквивалент, но он не возмещал трудовых затрат. Гужевая повинность была не меньшей тяготой для крестьянина, чем труды по выращиванию

изымаемого бесплатно хлеба. Но в этом деле принуждение было неизбежно по чисто экономической причине: в Сибири отсутствовала развитая сеть железных дорог.

Еще до революции специалистам была понятна эта проблема, экономически обоснованы и разработаны проекты строительства дороги в Южной Сибири – от Оренбурга до Прииртышья, но правительство в мирное время не нашло средств. Большевикам пришлось решать эту проблему в военных условиях. В районах, которые находились дальше от Транссибирской магистрали, резко возрастали расходы на транспортировку хлеба, поэтому торговать им было нерентабельно. Богатые в природно-климатическом отношении возможности выращивания хлеба не означали, что это экономически выгодно. Пуд пшеницы стоил в 15 раз дешевле пуда экспортного масла, тогда как провоз его от Новониколаевска до Риги был дешевле только в 2 раза [8. С. 63]. В августе 1909 г. заведующий переселенческим делом в Акмолинском районе сообщал в докладной записке: «Везти же хлеб к линии Сибирской железной дороги на 500 и далее верст не представляется возможным, ввиду дороговизны подобной доставки, которая в среднем обходится в 45 коп. с пуда», а на участке от Атбасара до ближайшего пункта железной дороги (Петропавловска) – до 60 коп. с пуда, тогда как средняя цена пшеницы, собираемой с полей Петропавловского уезда, редко превышала 75 копеек [9. С. 148]. Из-за этого в зажиточных хозяйствах копились многолетние запасы хлебных излишков: в урожайном 1917 г. излишки в Сибири составили 674 млн пудов, превышая годовой сбор [8. С. 61]. Выгоднее было скормить зерно скоту, что давало прирост производства мяса и масла. Главными статьями вывоза со станции Петропавловск были скот, мясо, масло, но не хлеб. Таким образом, проблема принудительного изъятия хлеба была обусловлена экономической – нерентабельностью акмолинского хлеба из-за бездорожья. Не какие-то доктринальные заскоки, не антирыночная утопия, а антирыночная реальность, чистая экономическая целесообразность допускала в этот момент, в этом районе только один способ – принудительное изъятие хлеба, в лучшем случае – неэквивалентный обмен с выдачей небольшого количества промтоваров взамен хлеба.

Снять эту проблему можно было только экономическим способом – но это вовсе не лозунги о «свободном рынке», а строительство железной дороги Петропавловск–Кокчетав. Только так можно было понизить издержки производства (включая транспортировку) хлеба, а на этой мате-

риальной основе смог бы заработать и рыночный механизм стимулирования производителя. Свободная торговля могла обеспечить только движение хлеба в рамках местного сибирского рынка, а везти хлеб за Урал можно было только по спекулятивно высоким ценам, недоступным для рабочих. И тогда уже рабочие стали бы выступать против Советской власти. Большевики выбрали другой вариант: пойти на обострение отношений с крестьянством, но сохранить свой статус партии и власти рабочего класса. Справедливости ради надо подчеркнуть, что такой выбор произошел не сразу после захвата власти, а после некоторого периода добровольной сдачи хлеба крестьянами.

Уже 30 марта 1918 г. на заседании Совнаркома был обсужден вопрос о подвозе продовольствия по узкоколейным дорогам, Ленин внес поправку к сумме ассигнований на срочную постройку железнодорожного пути от Петропавловска до Кокчетавы, который соединит Кокчетавский хлебный уезд Западной Сибири с Омской железной дорогой [10. Т. 5. С. 347]. 2 апреля 1918 г. Ленин подписывает «Декрет о продовольственных железных дорогах». Конкретно в нем поименована только Петропавловско-Кокчетавская линия «в хлебном районе Западной Сибири с выходом на Омскую железную дорогу» [5. Т. II. С. 48–49].

Но эта работа была прервана с июня 1918 по октябрь 1919 г., когда в регионе установилось антибольшевистское правление, подтвердившее, что необходимость изъятия хлеба не зависела от политического цвета власти. Колчаковцы занимались реквизициями хлеба, как и большевики. Временная сибирская власть объявила военное положение, издала приказ о взыскании в трехдневный срок недоимки с крестьян за 1914–1918 гг. Зерно насильно забирали в казенные хранилища, и в феврале – марте петропавловские крестьяне упрашивали военных чиновников вернуть им зерно, так как нечем было засеять поля. Первые оппозиционные действия крестьян власти ощутили уже осенью 1918 г. В сентябре каратели расстреляли 12 участников вооруженных выступлений крестьян в с. Михайловское. В декабре расстреляли более 100 партизан в пос. Всесвятское: здесь крестьяне вообще изгнали колчаковскую администрацию, во главе с коммунистом Мироновым восстановили советские порядки [11. С. 134]. В апреле – мае 1919 г., подавляя восстание в Мариинке Атбасарского уезда, колчаковцы убили 1500 крестьян. К весне 1919 г. развернулось партизанское движение в Петропавловском, Омском, Кокчетавском, Атбасарском уездах Акмолинской (Омской) области.

24 октября 1919 г. в речи перед слушателями Свердловского университета, отправляющимися на фронт, Ленин говорил о крестьянах петропавловского Приишимья и омского Прииртышья: «Сибирская линия охранялась и поляками, и чехами, были и итальянцы, и американские офицеры-добровольцы. Все, что могло бы парализовать революцию, все пришло на помощь Колчаку. И все это рухнуло, потому что крестьяне, сибирские крестьяне, которые менее всего поддаются влиянию коммунизма ... получили такой урок от Колчака, такое *практическое* сравнение (а крестьяне любят сравнения практические), что мы можем сказать: Колчак дал нам миллионы сторонников Советской власти в самых отдаленных от промышленных центров районах, где нам трудно было бы их завоевать» [12. Т. 39. С. 241]. «Наши войска погнали [Колчака] в Сибирь, и вы знаете, что мы подходили к Петропавловску и Иртышу, и Колчаку пришлось распределить свои силы иначе, чем он предполагал ... Но сведения, которые мы получаем из колчаковского тыла, говорят, что у него несомненный развал, а население восстает против него поголовно, даже зажиточные крестьяне. И мы подходим к тому, что последний оплот сил Колчака будет сломен» [12. Т. 39. С. 241]. Здесь последним оплотом Ленин называет центры колчаковской власти: административный – Омск и военный – Петропавловск. Здесь же, в районе Омск–Петропавловск–Ишим концентрировались хлебные заготовки. Взятие этого района Красной армией было решающим не только в военном, но и экономическом поражении Колчака. Подтверждение этой оценки можно найти в мемуарах главного колчаковского экономиста Г. К. Гинса: «Я был в центре Акмолинской области и мог удостовериться, что если большевики подойдут к ее границам, то население перейдет на их сторону. Как председатель Экономического Сопровождающего я мог засвидетельствовать, что после взятия Омска продовольствие армии станет задачей для Сибири непосильной» [13. С. 394].

16 августа 1919 г., когда Красная армия еще была в Зауралье, ВЦИК и СНК уже публикуют обращение к трудящимся Сибири за подписью В.И. Ленина и М.И. Калинина: «Необходимо, чтобы Сибирь помогла русским рабочим и крестьянам хлебом. Только тогда, когда Сибирь выполнит этот свой долг по отношению к рабочим Петрограда, Москвы и других городов, эти рабочие смогут дать сибирскому крестьянскому хозяйству все необходимое в виде мануфактуры, железа и прочего» [14. С. 56].

После взятия Петропавловска 30 октября 1919 г. колчаковцы уже неостановимо покатались на восток, оставляя богатые трофеи, в том числе заготовленный хлеб на складах. А следом за 5-й Красной армией двигались хлебозаготовители. 9 ноября заместитель наркома продовольствия, член Совета Обороны Н. П. Брюханов, незадолго до того назначенный уполномоченным Совета Обороны на Урале и в Сибири по продовольственным заготовкам, телеграфировал Ленину: «В районе станции Курган до Петропавловска включительно в станционных пакгаузах, так же в пристанционных складах (село Макушино) захвачено заготовленного Колчаком хлеба около семисот тысяч пудов, а именно: Макушино – 200, Петухово – 300, Петропавловск – 180, прочих станциях – 20. Кроме того, на мельницах и ссыпных пунктах на расстоянии от станций двадцать – пятьдесят верст – около 300 тысяч. ...Заготовки в указанном районе, так же в тяготеющих к нему Кокчетавском и Атбасарском уездах и отправка мяса Центру могут вестись после наступления стойких морозов почти в неограниченных размерах. В Петропавловске обнаружены запасы кожи и шерсти не менее тысячи вагонов. Шлите подвижной состав, паровозы. Во всем районе от Тобола до Ишима, по показаниям местных людей, подтверждаемых личными наблюдениями, около четверти хлеба осталось на корню, половина осталась в снопах и кучах, очень многие казачьи станицы поголовно покинуты. Рабочих рук, лошадей нет. Задачи реализации урожая, в значительной части обреченного на гибель, представляют неимоверные трудности. Устроенное мною в Петропавловске многолюдное совещание кооператоров ясно показало большую разбивность их аппарата, невозможность рассчитывать на его большую помощь, при абсолютном отсутствии людского материала для построения нового аппарата, для усиления кооперативного» [15. С. 60–61]. Ленин ответил: «Снабжение голодных уральских рабочих необходимо настоятельно. Сообщите, что сделали, насколько обеспечили, нельзя ли направить этих рабочих для сбора хлеба за Курганом» [12. Т. 51. С. 82–83], т.е. в Петропавловском уезде.

Вывезя хлеб, заготовленный колчаковцами, Наркомпрод принимает дополнительное решение о заготовках на территории освобождаемой Сибири около 113,5 млн пудов [14. С. 56]. Сначала высший орган Советской власти в Сибири – Сибирский революционный комитет (Сибревком) отказался от введения здесь продразверстки и применения принудительных мер для изъятия хлеба в надежде на «естественный подъем загото-

вок». Этот метод заготовок называли «самотеком», рассчитывая, что при обильных запасах хлеба крестьяне добровольно повезут его на ссыпные пункты сдавать государству. Меры государственного воздействия – убеждения и агитация. 23 сентября 1919 г. Сибревком принял приказ № 5 «О порядке частной торговли», который разрешал свободную торговлю продовольственными продуктами на территории Зауралья и Сибири [14. С. 57]. Тогда как в Центральной России свободная торговля уже запрещена.

Крестьяне поначалу сдавали хлеб, но не получали в обмен желаемого количества товаров, а к обесценивающимся деньгам они потеряли доверие со времен добольшевистской власти. Продорганы Сибири располагали нужными крестьянам товарами в количестве всего 4 % от потребности; причина очевидна – почти полная остановка производства промышленных товаров народного потребления. В декабре 1920 г. на 1-й уездно-городской конференции РКП(б) в Петропавловске говорилось, что крестьяне заявляют: «Нет мануфактуры, спичек, мыла, керосина, грошовой пуговицы и то не купишь, а приходится отдавать все зерно, сено, масло... взамен не получая ничего», «деревня тяготится продразверсткой» [4. С. 53].

Поэтому «самотек» продолжался только до лета 1920 г. Таким способом в Сибири было заготовлено до начала 1920 г. более 4 млн пудов хлеба и зернофуража, а за первую половину 1920 г., до 1 июля – 19,7 млн пудов хлеба [15. С. 58, 61]. Тогда как у Наркомпрода имелись данные о 110 млн пудов излишков от урожаев прошлых лет, и к тому же урожай 1919 г. был вполне удовлетворительным. Хлеб стали скармливать скоту, перегонять на самогон. 12 июня 1920 г. на 2-м Всероссийском совещании ответственных организаторов по работе в деревне Ленин говорил: «В Москве вы можете встретить рабочих, которые изнемогают от голода у станка... Гибнут люди здесь, тогда как на Украине, на Северном Кавказе и в Сибири мы имеем неслыханные богатства, которые могут накормить голодных рабочих и восстановить промышленность» [12. Т. 41. С. 146–147]. Преувеличенное представление о «неслыханных богатствах» предопределило жесткость требований Ленина к действиям Наркомпрода в Западной Сибири.

10 мая 1920 г. Омский губпродкомиссар сообщал: «В исполнение боевого приказа Предсовобороны т. Ленина, наркомпрода т. Цюрупы о принятии мер для срочного подвоза продгрузов с внутренних ссыпных пунктов к железнодорожным станциям, водным пристаням путем проведения трудовой и гужевой повинности сообщаю, что... даны

боевые приказы для образования комиссии «Тройка» с указанной целью в уездах Акмолинском, Атбасарском, Кокчетавском, Петропавловском, Тюкалинском и Татарском, в которых в настоящее время в общем имеется 5 000 000 пудов хлеба, подлежащего вывозке на линию железной дороги» [16. С. 283].

А с 1 июня 1920 г. высшие сибирские органы запрещают свободную торговлю нормированными продуктами, от самотека перешли к принудительному изъятию излишков и применению вооруженной силы в случае сопротивления. В тот же день в Москве Совнарком постановил направить в Сибирь из центральных районов страны специальные продовольственные отряды и бойцов продармии в 3 тыс. человек для содействия в обмолоте старых запасов хлеба, для изъятия излишков хлеба нового урожая, а также для сдачи всякого сырья.

Продовольственная разверстка в Сибири была введена декретом Совнаркома РСФСР от 20 июля 1920 г. «Об изъятии хлебных излишков в Сибири». Сибири дано задание собрать по продразверстке 110 млн пудов хлеба, подлежащих сдаче до 1 марта 1921 г. Из них 20 млн пудов приходилось на долю нынешнего Северного Казахстана (Петропавловский, Кокчетавский, Акмолинский и Атбасарский районы) [14. С. 151]. Центр планировал завышенные нормы вывоза хлеба (100 млн пудов в 1920 г.) и других продуктов, исходя из мнения о зажиточности сибирского крестьянина и неточных статистических данных о свободных запасах хлеба в Сибири. Позднее, в отчете перед партийным активом коммунистов Сибири, председатель Сибревкома И.Н. Смирнов признал: «Задание по разверстке было 110 миллионов пудов, но цифра эта была в значительной мере случайна... Самое большее, на что мы могли рассчитывать, — это на 70 миллионов» [17. С. 91].

Академик АН КазССР С. Муқанов, бывший бойцом ЧОН в 1920 г., писал в мемуарах: «Акмолинская область обещала товарищу Калинин у собрать три миллиона пудов зерна. Четвертую часть этого хлеба должен был сдать наш Пресногорьковский райпродком. Ленину комиссар нашего райпродкома обещал выполнить продразверстку к десятому января. Между тем сбор продовольствия в русских селах, где основное население занимается преимущественно хлебопашеством, проходил гораздо труднее, чем в казахских аулах. Кулаки в селах и станицах отказывались молотить оставленный на зиму в скирдах хлеб, и продотряды нередко молотили хлеб сами... Всю тяжесть продразверстки в ауле несли бедняки, потому что

председателями волостных ревкомов были почти сплошь баи» [12. С. 313].

Казаки Петропавловского и Кокчетавского уездов вообще саботировали выполнение продразверстки. Провозглашенный Лениным классовый принцип продразверстки на деле не соблюдался. Именно это создало массовую базу для крестьянского восстания 1921 г. Омский губпродкомиссар в мае 1920 г. отмечал, что в с. Токуши Петропавловского уезда «ход заготовки хлеба в зимний период обнаруживает, что преимущественными сдатчиками хлеба являлась крестьянская беднота и середняк. Хлеб почти не сдавался кулаками» [4. С. 51]. В декабре особоуполномоченный по продразверстке по Явленскому району писал в докладной в Петропавловский уездный исполком: «Приходится отметить и то ненормальное явление среди как Волисполкомов, так и Сельисполкомов — совершенно не принимается принцип классового разделения» [19. Л. 17]. По данным Сибпродкома, ошибочно, без учета экономических возможностей было назначено около 40 % продовольственных заданий [20. С. 706].

Летом 1920 г. началось сопротивление крестьян политике выкачивания хлеба, пока в форме разрозненных действий «зеленых банд». В конце августа в д. Сорочинской крестьяне прогнали уездного уполномоченного, отказываясь от сдачи обязательных поставок. Прибывший продотряд встретила защитная полоса из женщин и детей, и отряд отступил. Затем в село для ведения следствия прибыл член губполитбюро и исполкома Петропавловска чекист Л.Н. Дульский и обнаружил кулацкий заговор «зеленых», зерно взяли силой. 26 августа председатель Акмолинского губревкома В. Барлебен телеграфировал из Петропавловска в Омск: «В селе Всесвятское неожиданно напали на двух ответственных сотрудников по заготовке продовольствия, расстреляли районного комиссара, толпа арестовала и обезоружила красноармейцев. За этим во Всесвятское введены дополнительно 50 человек с двумя пулеметами, и умелым ведением боя восстание подавлено» [21. С. 67]. 1 сентября Л. Дульский докладывал из станицы Пресногорьковской: «Восстание подавлено, некоторые зачинщики арестованы. Красноармейский отряд прочесал степь, бандиты спаслись бегством, продолжаем их преследовать. Самому необходимо задержаться еще, выяснить, сколько осталось в деревнях бандитов» [21. С. 69]. Дульского убили во время февральского мятежа в Петропавловске.

А в декабре 1920 г., объехав весь Петропавловский уезд в качестве уполномоченного по продразверстке, он представил доклад уездному

исполкому, парткому и политбюро, в котором анализировал тяжелые ошибки властей всех уровней в проведении продполитики: «Кулачество определенно сказало товарищам: «Посмотрим, что вы возьмете теперь у нас и как мы будем с вами считаться»... (из слов партийных товарищей Пресногорьковской станицы). ...В селе Всесвятском узнаю, что “было продовольственное восстание в Сорочинском”. Захожу в райпродком, чтобы узнать подробно и на мой вопрос “как и что случилось” получаю ответ от райпродкомиссара (в то время тов. Воеводина): “Такая история будет не в одной Сорочинке, но и в каждом селе нашего района, что неизбежно это должно быть при наших работах”. Меня удивил этот вопрос... решил созвать партийных товарищей Всесвятского и узнать, в чем именно дело и как они смотрят на происходящее и будущее. На собрании оказалось, что ни один из товарищей не знал продовольственной политики Советской власти, т. е. никто им не говорил, что значит сия разверстка: не указывают норм на семена и корм, забирают весь хлеб, сырье и т.д., словом, выходило, что приходят к крестьянину, берут хлеб молча и все, дальше крестьянин спрашивает у “своих” коммунистов (деревни), “Как это так, забирают все, как же будем жить потом?” “Свой” коммунист ответа не находил, и, естественно, создавалась постепенная злоба, этим воспользовалась кулацкая контрреволюция и произошло Сорочинское восстание ... На собрании было решено создать “тройки” и приступить к работе без продагентов и “штыка”. По селу Всесвятскому была выполнена минимальная разверстка имеющегося наличия ... т. Медведь райпродкомиссар Всесвятского района сказал: “Я тоже не совсем знаю продполитику, ибо работаю по приказам и телеграммам, вам же лучше там в городе известно, что и как”...

Самый корень восстания в селе Сорочинском кроется (на мой взгляд)... в бестактности, непонимания и необъяснения продовольственной политики гражданам и даже местным ячейкам... Неумение завербовать эту массу своевременно вылилось в нежелательное последствие. Правда, здесь руководили быть может, эсеровцы, но, спрашивается, почему такой революционный район, как Всесвятский, где сотни могил расстрелянных Колчаком покрыли дороги, пролетариат этих мест пошел с кулаком? При желании и энергии можно взять массу под свой коммунистический контроль, в этом я убежден» [19. Л. 7–10].

Работа по заготовкам осложнялась отсутствием квалифицированных кадров, о чем говорил еще Брюханов в своей телеграмме Ленину. Работники

кооперации разбежались или попрятались, новых специалистов еще не подготовили, посылали на заготовки простых коммунистов, а иногда случайных людей.

В декабре 1920 г. особоуполномоченный по продразверстке в Пресногорьковском районе, член уисполкома М. Басков (весной 1921 г. исполнял обязанности председателя Акмолинского губисполкома) в докладе Петропавловскому уисполкому подчеркивал тенденцию к предельному обострению отношений соввласти с крестьянством, в том числе с беднотой. «Большинство посланных со мною товарищей я почти не знал и познакомился с ними ближе во время пути... все они почти новички в продовольственном деле, сумели расшевелить деревню и провести частично ее расслоение на две группы, т. е. имеющих излишки хлеба и не имеющих таковых. На первых порах и вполне естественно возникали мелкие трения и недоразумения с находившимися уже на местах продработниками, и, конечно, не с рядовыми, а с разными комиссарами этих отрядов... В данное время, помимо уполномоченных, в районе работают три московских продотряда... Рядовые продармейцы почти раздеты и разуты, и в связи с холодами их использовать в должной мере нельзя ... Сделано все, что возможно, в каждом поселке произведены тщательные обыски у кулаков, по указанию бедняков и комячеек, правда давшие очень незначительные результаты. Взято все, что можно, говорить об оставлении нормы или полунормы не приходится... С этим приходится не считаться при самой интенсивной выкачке хлеба, по приблизительному счету (необмолочен. хлеба) с Пресногорьковского района взято около 250000 пуд. Т. е. 20 % разверстки. Повторяю – взято все, что можно и, конечно, не излишки, а гораздо больше чем они. ...

При отправке уполномоченных в район в задачу им ставится, помимо расслоения деревни, еще внушить населению, что выполнение разверсток является для них обязанностью по отношению к пролетариату центра и власти. Эта-то задача, можно сказать, почти не выполнена: ...такое сознание крестьянам оказалось невозможным и вряд ли, что всецело по вине крестьян, причин много других, совершенно не зависящих от населения. Первое: при объезде по району обнаруживается полная бессистемность всех разверсток, не приняты во внимание местные условия сельского хозяйства, нет общего плана обоснований на те или иные разверстки, а от этого получается много ненормальностей. Крестьяне, например, прекрасно знают, что на деревни в 100 дворов Курганского

уезда, где население зажиточное, наложено 10–12 тыс. пудов, а на таковую же деревню Петропавловского уезда уже не менее 25–30 тыс. пуд. Второе – некоторые разверстки наложены слишком поздно... А самое главное, при разверстке не учитывалось, чем данный район более богат, чем другой, и наоборот...

Все эти мелочи создают на месте всевозможные трения и недоразумения между агентами продорганов и населением, вызывают недоверие, а иногда и создают конфликты, чем, естественно, тормозится работа, а главное создает у населения впечатление, что разверстка налагается не Соввластью, а что каким-то отдельным агентом продоргана или комиссаром по личному его усмотрению, а может, и по злобе за что-либо. Вот в этом-то разубедить очень трудно...

В заключение нужно сказать, что сибирский крестьянин, в частности Петропавловского уезда, в общем и целом отдал и отдает Республике все что можно. Он без особых затруднений, сознавая, что Соввласть – его власть, выполняет все разверстки полностью... Нельзя сказать, что хлеба нет в уезде совсем – это будет неправда, он есть, но все же его недостаточно, чтобы выполнить полную разверстку. Еще раз от имени всех 25 Уполномоченных, посланных со мною в Пресногорьковский район, заявляю, что нами сделано все, что можно, изъят весь хлеб. Мы в районе твердо помним наказ нам – не поддаваться слезам и уверениям населения, что у них нет хлеба и т. д., а делали свое дело, твердо помня катастрофическое положение центра в продовольственном отношении, и в тех селах, где хлеб был не молоченный приняты все меры к обмолоту его... Нельзя скрыть того факта, что многие кулаки в проведении разверсток заблаговременно еще летом спланировали хлеб киргизам, но сделали все это незаметно для своих сельчан, а у киргиз найти его – задача непосильная.

Теперь очередь за сибирским рабочим поднять производительность труда на заводах и фабриках» [19. Л. 11–13].

21 ноября 1920 г. в Петропавловск с агитпоездом «Октябрьская революция» прибыл председатель ВЦИК М. И. Калинин. В своих выступлениях в депо перед железнодорожниками и на объединенном заседании членов Петропавловского совета с парторганизациями и профсоюзами он уделил особое внимание выполнению продразверстки: это «прямое укрепление Советской власти». «Ваш город имеет своеобразное положение, он заброшен среди азиатских степей и соприкасается с одним из больших народов, населяющих огромные равнины азиатского материка, эта народность – кир-

гизы. Может быть, многим покажется это смешным, что от работы одного из заброшенных городов азиатского материка... зависел успех или неуспех общей, окончательной победы социалистической революции... Общегосударственная задача возлагается на вас, – это выполнение государственных разверсток. Это одна из труднейших повинностей... Обязанность рабочего-коммуниста – ... сказать крестьянину: если хочешь быть богатым, нужно отдать хлеб бесплатно в долг Советской власти... Обязанность местных товарищей разъяснить крестьянам Петропавловского уезда, какая тесная связь имеется между богатством и благополучием местного крестьянина с благополучием северного крестьянина и благополучием рабочего центрального района. Нужно рассказать, как фабрики и заводы стоят без работы, как у станков стоят рабочие центра с поджатыми от голода животами ... а после этого надо призвать выполнить государственную разверстку» [22. С. 242, 246, 247–248].

Калинин полагал, «что нет уже недовольства разверсткой, высказывается лишь недовольство против количества разверстки, высказывается недовольство против того, что отбираемые продукты плохо сохраняются» [22. С. 250], но это дело исправимое. Однако Ленин чувствовал, что напряженность отношений власти с крестьянами растет. 22 декабря 1920 г. по его просьбе Калинин созывает совещание беспартийных делегатов VIII съезда Советов. Ленин внимательно слушает выступления, делает заметки о прениях и заявлениях, а потом направляет их «к осведомлению цекистов и наркомов». В частности, он записал такое: «*Киргизская Республика*. Хлеб собирали под метлу. Ничего не осталось. Скотоводам надо помочь. Хозяйство разрушено войной. Пропаганда нужна» [12. С. 382, 385]. О встрече с Лениным в дни съезда оставил краткие воспоминания П. Жуков, представитель Кокчетавского уезда в составе делегации Омской губернии: Ленин расспрашивал о положении в уезде, структуре сельского хозяйства, сколько могли бы дать хлеба, сколько верст от Петропавловска до Кокчетава, на какие расстояния приходится крестьянам возить хлеб, какая нужна помощь [23. С. 19–20].

А в январе – феврале разразился мятеж, «известный под названием Петропавловско-Ишимского» [24. Т. 4. С. 155] (сегодня именуемый Западно-Сибирским). К 8 февраля весь район между северной и южной ветвями Транссиба и долинами рек Ишима и Тобола был захвачен мятежниками. С целью прекратить вывоз хлеба они разрушали пути и мосты на ж.-д. магистрали Омск–

Челябинск, вследствие чего железнодорожная и телеграфная связь с Центральной Россией была прервана на три недели.

С 13 по 16 февраля Петропавловск был захвачен отрядами повстанцев. Разграбили продовольственные склады. Убивали коммунистов и «идейных», работников профсоюзов, государственных органов; убивали изуверски. Свидетель писал: «Вот – ответственный секретарь, член президиума Уисполкома, коммунист тов. Гозак, над которым издевалось кулачество русского казачества станицы Новопавловской. Живому отрезали ноги поперечной пилой. Коммунист Соленик Василий – в гробу лежал кусок порезанного мяса. Райпродкомиссар Петуховского района коммунист тов. Соловейчик – живот был разрезан, куда была насыпана пшеница, на груди вырезана цифра 100 %. (Это надо понимать: выполнил план хлебозаготовок)» (Цит. по: [11. С. 157]). Убитых собирали весной, так как не было возможности собрать всех из-под снежных заносов. В докладной председателю губревкома В. Барлебену от 6 марта сообщалось, что из лавок на базарной площади и в других местах города «всего изъято трупов 220. Остальные трупы на овраги за линией остались под снежным заносом... так что ввиду не одного трупа», «10 трупов оставленных ввиду их зверски изуродованности бандитами для фотографирования и зарыты» [25. Л. 23]. Базарные лавки, пустовавшие в условиях запрета торговли, наполнились мертвецами. В с. Корнеевка обнаружено до 200 зверским образом убитых коммунистов и членов их семей. То же самое в других населенных пунктах. Подавлен был мятеж тоже кровавым образом. «По данным председателя Сибревкома И.Н. Смирнова, к 12 марта 1921 только в Ишимском и Петропавловском уездах было убито около 22 тыс. повстанцев» [26. С. 583–584].

10 февраля 1921 г. Ленин получает телеграмму замнаркома путей сообщения В.В. Фомина из Омска о захвате бандитами участков ж.-д. дороги Ишим – Тюмень, о мерах для подавления бандитского выступления, о местонахождении эшелонов с продовольствием, отправленных из Петропавловска, Татарской, Кургана и Омска. Фомин просит Ленина подтянуть Военное ведомство, усилить борьбу с бандами и поставить вопрос об этом на заседании СТО [10. Т. 10. С. 102–103]. 18 февраля 1921 г. председатель Сибревкома И.Н. Смирнов сообщал председателю СНК В.И. Ленину: «Кулацко-казацкое восстание в районе Ишима – Петропавловска подавляется успешно. Движение поездов и телеграфная связь от Омска до Петропавловска и 80 верст западнее Ишима и до

ст. Мамлютка восстановлены. От железнодорожного движения отходит в сторону и, вероятно, выразится в разгроме продовольственных складов в Кокчетавском уезде, в котором неспокойно. Движение проходит под лозунгами: «Учредительное собрание», «Свободная торговля» и «Уничтожение коммунистов» [16. С. 60].

1 марта 1921 г. Ленин пишет записку Фомину: «Очищен ли путь Омск–Челябинск?». Тот отвечает: «У нас пока сведений нет. По северной части Омской продовольствие двинулось» [12. Т. 52. С. 87, 372–373]. Железнодорожное сообщение Омск–Челябинск было восстановлено в первых числах марта.

Сообщая в ЦК о начавшихся крестьянских восстаниях, которые из Ишимского уезда Тюменской губернии перекинулись на территорию Петропавловского, Кокчетавского и Омского уездов, Сиббюро ЦК в то же время подчеркивало необходимость сохранения «нажима на крестьян»: «впредь до выполнения 70 % разверстки никаких ослаблений продовольственной политики и нажима допущено быть не может» [27. С. 76–77].

24 февраля в речи на собрании партактива Москвы Ленин говорил: «Сейчас из Сибири подвоза нет, так как кулацкими повстанцами прервана железнодорожная линия. Наши сибирские товарищи говорили о возможности кулацкого восстания, но размеры его определить очень трудно. ...Мы пришли к выводу, что имеется недовольство общего характера. Это недовольство надо ловить снизу, если нельзя быстро через советские аппараты, прямо через аппараты партии ...Надо двинуть в учреждения пролетарский элемент ...Вот трудности вследствие бандитизма и перерыва сообщения с Сибирью. Сообщение Смирнова говорит о том, что там справятся с бандитизмом, но не ручаются за улучшение подвоза хлеба» [12. Т. 42. С. 348–349].

Ленин признает, что фактором восстания был неправильный расчет центральными властями потребления хлеба городом: «Прошлый год мы тратили в первом полугодии хлеба по 15 миллионов пудов, во втором – по 8 миллионов... Очевидная ошибка в том, что мы неправильно распределяли хлеб в первом полугодии; мы не должны были увеличивать расход его до 25 миллионов». «Мы этот год, главным образом, жили теми ресурсами, которые давали Сибирь и Северный Кавказ» [12. Т. 42. С. 348, 364]. Желая улучшить питание горожан, рабочих по сравнению с военным периодом, власти усиливали нажим на деревню. И перешли границы терпимого. В этом признавался сам Ленин: «Своеобразный «военный коммунизм»

состоял в том, что мы фактически брали от крестьян все излишки и даже иногда не излишки, а часть необходимого для крестьянина продовольствия, брали для покрытия расходов на армию и на содержание рабочих. Брали большей частью в долг...» [12. Т. 43. С. 219–220].

Против власти восстали все социальные слои региона. Большевиков поддержали только рабочие. Они сформировали в Петропавловске вооруженный отряд, активно действовали в городе, когда в него вошли мятежники, а в район железнодорожного вокзала и строительного участка дороги Петропавловск – Кокчетав мятежников вообще не подпустили.

Сибирский крестьянин колебался между позициями союза и войны с рабочим классом. «...Сначала – за большевиков, когда они дали землю и демобилизованные солдаты принесли весть о мире. Потом – против большевиков... Диктатура пролетариата не понравилась крестьянам особенно там, где больше всего излишков хлеба, когда большевики показали, что будут строго и властно добиваться передачи этих излишков государству по твердым ценам» (Ленин) [12. Т. 40. С. 16–17]. Советские историки писали только о союзе трудящихся классов, который пытались-де подорвать эсеры-недоброжелатели. Теперь же, наоборот, можно встретить мнение о злонамеренности большевиков, которые задумали-де истребить крестьянство – цвет русского народа – по непонятным мотивам; здесь игнорируется объективная сторона происходившего. Ленин как будто отвечал и тем и другим: «Итак, мы начинаем применять нашу новую тактику. Не нужно нервничать... Мы ведем теперь войну с мелкой буржуазией, с крестьянством, войну экономическую, которая для нас гораздо опаснее, чем прошлая война» [12. С. 60]. С одной стороны, Ленин признает, что в *данный* момент идет *война* с крестьянством, причем более опасная для господствующей партии, но с другой – подчеркивается ее временный, тактический характер; уничтожать целый класс не собирались, а воевать пришлось – в целях сохранения единства страны, сбережения рабочего класса и промышленности как основы экономического могущества страны. Гражданская война в Сибири не закончилась изгнанием Колчака. В отличие от советских историков, ее содержание надо раскрывать не только в «борьбе трудящихся классов с эксплуататорами», но и между трудящимися классами – городским пролетариатом и крестьянством. В Западной Сибири это была война за основной экономический ресурс – хлеб.

Менее изученное по сравнению с Кронштадтским и Тамбовским восстаниями, Петропавловско-Ишимское, на наш взгляд, стало переломным моментом, сыграло решающую роль в окончательном принятии Лениным решения о переходе от продразверстки к продналогу. Потому что в этом восстании значение имеет не только его политическая сторона, но и особая роль этого района страны как главного на тот момент снабженца Центра продовольствием. На эту специфику сибирского хлебного района в политике большевиков справедливо указывает В.И. Шишкин: «Мятеж временно лишил руководство советской республики сибирского продовольствия и поставил коммунистический режим на край пропасти» [26. С. 583–584]. Наиболее дальновидные большевики (не только Ленин, но и на местах) понимали, что одним *военным* подавлением мятежников не обойдешься, надо менять *экономическую* политику.

В советское время, да и сегодня, многие историки не придают такого значения Петропавловско-Ишимскому, шире – Западно-Сибирскому, восстанию, отдавая приоритет Кронштадтскому мятежу. Вот типичное утверждение: «Лишь *после* кровавого опыта Кронштадтского и Тамбовского восстаний состоялось решение об изменении экономической политики» [28. С. 131]. Эта проблема в современной исторической литературе является дискуссионной. Хотя очевидно, что восстание моряков с линкоров «Севастополь» и «Петропавловск» было в марте, тогда как идея отказа от продразверстки уже зимой не раз была обсуждена и Лениным с представителями сибирских крестьян, и между разными группами властвующих большевиков (см. известную работу Э. Б. Генкиной [27]). А первый документ, намечающий переход к новой экономической политике, написан Лениным на заседании Политбюро ЦК 8 февраля 1921 г.: «Удовлетворить желание беспартийного крестьянства о замене разверстки (в смысле изъятия излишков) хлебным налогом» [12. Т. 42. С. 333]. В это время восстание в Сибири разгоралось и двигалось из Ишимского уезда в Петропавловский; первое нападение повстанцев на участки дороги Челябинск – Омск отмечены на другой день после записи Ленина, 9 февраля: разобран путь, прервано движение поездов [11. С. 155]. Оно становилось угрожающим, теряя только местное значение. Думаю, следует прислушаться и к компетентному мнению самого Ленина о том, какие события сыграли в его решении определяющую роль – кронштадтские или западносибирские: «Кризис начался, мне кажется, в феврале 1921 года. Уже

весной того же года мы единогласно решили... перейти к новой экономической политике» [12. Т. 44. С. 159].

Парадокс истории в том, что, доказав властям неизбежность отказа от продразверстки, акмолинско-петропавловские крестьяне от перехода страны к нэпу весной 1921 г. ничего не выиграли. План по продразверстке хлеба на 1920–1921 г. по Омской губернии был выполнен только на 55,5 %. Поэтому от крестьян потребовали досдавать долги по разверстке одновременно с собиранием нового продналога. К этому времени Петропавловский и южные уезды Акмолинской губернии вывели из ведения Сибревкома и включили в состав Киргизской (Казахской) автономии (до 1936 г. находившейся в рамках РСФСР). Началась новая, еще более трудная кампания лета – осени 1921 г. по изъятию Центром акмолинско-петропавловского хлеба, которая привела к голоду в этом «хлебном районе Западной Сибири».

ЛИТЕРАТУРА

1. Божженко Л.И. О продовольственном положении в Западной Сибири накануне социалистической революции // Проблемы истории Октябрьской революции и гражданской войны в СССР. Томск, 1975.
2. Шлихтер А. Ильич, каким я его знал. Кое-что из встреч и воспоминаний. М., 1970.
3. Печенкин М.Д. Сибирь в ленинском плане построения социализма 1917–1924 гг. Новосибирск, 1988.
4. Северо-Казахстанская область в 1917–1957 гг. Алма-Ата, 1957.
5. Декреты Советской власти. М., 1959. Т. II.
6. Познанский В.С. В.И. Ленин и Советы Сибири (1917–1918). Новосибирск, 1977.
7. Петропавловск / АН КазССР; Ин-т истории, археологии и этнографии. Алма-Ата, 1985.
8. Горюшкин Л.М. Социально-экономические предпосылки социалистической революции в сибирской деревне. Новосибирск, 1962.
9. Духин Я.К. Южно-Сибирская магистраль: история проектирования // Вопросы истории. 2006. № 6.
10. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1974. Т. 5; М., 1979. Т. 10.
11. Северо-Казахстанская область: страницы летописи родного края. Алматы, 1993.
12. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е.
13. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории 1918–1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского Правительства). М., 2008.
14. Из истории социалистического строительства в Сибири. Томск, 1984.
15. Ленин и Южное Зауралье. Телеграммы и документы В.И. Ленина, письма трудящихся, резолюции, воспоминания. Челябинск, 1970.
16. Сибирский революционный комитет (Сибревком). Август 1919 – декабрь 1925. Сб. документов и материалов. Новосибирск, 1959.
17. Познанский В.С. Социальные катаклизмы в Сибири: голод и эпидемии в 20–30-е годы XX в. Новосибирск, 2007.
18. Муканов С. Школа жизни. Кн. 2. Алма-Ата, 1965.
19. Государственный архив Северо-Казахстанской области. (ГАСКО). Ф. 55. Оп. 1. Д. 27.
20. Шишкин В.И. Продразверстка // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 1.
21. Harms I. Viktor Barleben: Leben und Tätigkeit in Petropavlovsk in den Jahren 1920–1921. Alma-Ata, 1988.
22. Калинин М.И. Избр. произв.: в 4 т. Т. 1: 1917–1925 гг. М., 1960.
23. Ленин и Северный Казахстан. Петропавловск, 1990. С. 9–20.
24. История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л., 1968. Т. 4.
25. ГАСКО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 93.
26. Шишкин В.И. Западно-Сибирский мятеж // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 1.
27. Генкина Э. Б. Государственная деятельность В.И. Ленина. 1921–1923. М., 1969.
28. Коган Л.А. Военный коммунизм: утопия и реальность // Вопросы истории. 1998. № 2.